

Семь дней. — 1993 — 23-29 авг. (№ 34) — с. 1, 16.
«ЗДРАВСТВУЙТЕ! Я ВАША ТЕТЯ»

В. ЛЕОНТЬЕВА: Я стала «тетей Валей» с первой детской программы «Спокойной ночи, малыши!». Одному французскому журналисту сказали, что он должен встретиться с tante Valia. И мы, как два дурака — друг друга не знаем, — сидим в холле и ждем. Он ждал «тетю». А увидел молодую женщину. Я тетей Валей была всю жизнь.

Е. ЛИСТОВА: Тут «виноваты» детские программы. Но при этом вашей болью и заботой — основным вашим делом — была программа «От всей души».

В. ЛЕОНТЬЕВА: Вы знаете, это вовсе не боль. Я была причастна к радости и давала возможность другим быть счастливыми. Но если бы я не вела детские передачи, я бы не смогла провести ни одной передачи для взрослых. Дети научили меня быть искренней, они заставили меня быть доброй. Во мне, может быть, этого и не было. На детских передачах я научилась импровизировать. На «Умелые руки» мне давали полтора часа. Никакого сценария. Разве это не школа? Я там лепила всяких лягушек, делала всякие елочные украшения — у меня ничего не получалось. Тетя и Алеша-Почемучка надо мной хохотали и говорили: «Что это у вас ручонки дрожат?» А у меня фольга мнется. «Это не верблюд, это крокодил», — они издевались надо мной так, что я их ногами под столом bila.

(Окончание на 16-й стр.)

НА СНИМКЕ: В. Леонтьева и Жерар Филип во время его первого приезда в Советский Союз.

«Здравствуйте! Я ваша тетя»

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Больше всего я люблю детей и стариков. Я не могу пройти мимо старушки, чтобы не перевести ее через дорогу. Потому, может быть, что моя мама для меня была и мамой, и сестрой, и подругой, и дочерью, и всем на свете. На всю жизнь. Без этой истинной, настоящей любви к людям я была бы просто фальшивой.

Е. ЛИСТОВА: Я смотрела «От всей души» в очень нежном возрасте и пропускала мимо ушей информационный пласт — он мне ни о чем не говорил. Но меня всегда поражал уровень эмоций. И ваших в том числе. Это ваша натура или это все-таки актерская школа?

В. ЛЕОНТЬЕВА: Сейчас я вам объясню. Сыграть роль ведущей в этой передаче нельзя. Я была такая, какая я есть. Я была сама собой. Мне это было интересно. Я соперничала горю другого человека искренне, я радовалась его счастью, как я, как Валя, как Леонтьева, а не как народная артистка. Сыграть такое невозможно. Почему я всех их помню? Потому, что я их всех любила. Я вместе с ними прожила их жизни. Как должно было бы быть профессионально? — Я провела передачу, я должна взять мокрую тряпку и все стереть. И с чистой страницей начать следующую. А они у меня никуда не деваются. Габдраулы Габдулхаковичи Каюмовы, Зияматы Усмановичи Хусановы, Камшат Байгизовны Даднбаевы... я же всех их помню. Может быть, это ненормально?

Был у меня герой — имя, как в пьесах Островского — Александр Ардалынович Дудин. Он бежал из фашистского лагеря. Его поймали двое офицеров с автоматами. Недалеко от них разорвалась бомба — наши начали бомбить лагерь, и их волной отбросило в кювет. Дудин сразу нашелся — обезоружил и убил немцев. Ночь просидел в лесу, под утро пошел на звуки передовой. Набрел на украинское село, где стояли немецкие танки, караула не было. А он танкист. Открыл первый попавшийся танк, забрался туда, переждал, и когда танки перед ним двинулись — он за ними. Пошли на наши огневые точки. Когда наши начали их расстреливать — немцы развернулись и стали уходить. А один танк с фашистской свастикой — прет. Его расстреливают в упор. А он прет. Сбили гусеницу. Тогда он развернул башню и стал стрелять по уходящим немецким машинам. Дудин потом получил Героя Советского Союза... Как могло случиться у пунктуальнейших немцев, что один экипаж остался вне танка? Ну, на войне действительно все бывает. Когда я это рассказывала и когда сейчас рассказываю, я будто вижу фильм. Я чувствую песок на зубах. Я слышу эту канонаду, я слышу его дыхание. То есть я проживаю все, что чувствовал мой герой.

Конечно, в моей судьбе большую роль сыграла блокада. Без опыта блокады я, может, не так понимала бы горе. Я увидела столько трупов, я каждый день ходила по трупам с шестого этажа. Если бы я не видела столько крови — я бы просто не имела права вести «От всей души». Такую передачу не может вести актриса без собственной судьбы. Я собственной судьбой завоевала право говорить о горе другого.

Причастность к радости другого — это была моя роль. Я воспринимала судьбу своих героев — как я. Пережи-

вала — как я. Моя реакция была — моей личной. А никакой не ведущей. Я играла себя и оставалась собой. Мне кажется, что все дело в том, чем меня наделил Господь, — в искренности. А искренность имеет эхо. Она мгновенно возвращается к тебе. И еще. Оказывается, у меня есть какая-то своя, индивидуальная интонация. Был смешной случай во Владивостоке, куда я приехала на гастроли и с температурой под сорок слегла. Пришла врач: «Ну, рассказывайте, что с вами». Я начинаю говорить. И вдруг — она плачет. Господи, что такое? А она отвечает: «Я не могу равнодушно слушать ваш голос...» Иногда, когда я заказываю междугородный телефонный разговор, мне говорят: «Ой, какой знакомый голос. Подождите, а это не тетя Валя?» Что-то запоминается в моей манере говорить. Что-то, значит, есть, что помогает мне управлять залом. Я с залом могу делать все, что угодно.

Я человек очень эмоциональный. Как актрисе, мне всегда, когда я смотрела свои передачи, хотелось куда-то спрятаться, залезть под стол. Я себя ненавидела: какая-то горбатая, не так выгляжу, не так хожу. Думаю: «Господи, ты лошадь». Да мне и некогда было тогда об этом думать. Я не спала ни одной ночи перед записью. Ни одной — все пятьдесят два раза. Не то что меня колотун бил, но я мысленно проигрывала всю передачу, все варианты ситуаций. И всегда обязательно происходило так, как заранее нельзя было даже вообразить. И то, что я все время выкручивалась, а никто из вас этого не видел, — для меня самое главное. Но как актриса я ругала себя по-черному; говорила себе: «Ты поими — в сдержанности сила. В сдержанности. Нельзя все разжевывать...» Я ненавидела свою интонацию... И ничего не могла с собой поделать, меня захлестывали эмоции.

...Недавно «Новая студия» пригласила меня на прямой эфир и показала отрывки из передачи «От всей души» с Кузнецкого металлургического комбината. И позвонила женщина и сказала: «Вы нам все время морочили голову, вы нас обманывали». Как же можно обмануть, если вдруг встречаются люди, которые ищут друг друга сорок пять лет? Значит, они отретперируют, а после я им скажу: «А теперь плачьте по-новой. Вздрагивайте?» Никогда у нас не было ни одной репетиции. Кстати, мне не раз говорили: «Вы всех ублачиваете, всем подстилаете подушечки, всех ублажаете, заставляете людей плакать...» Но я не понимаю, как это можно заставить людей плакать?

Е. ЛИСТОВА: Может быть, та женщина имела в виду другое — всю передачу в целом, а не то, что вы репетируете или не репетируете?

В. ЛЕОНТЬЕВА: Нет, она конкретно сказала, все поставлено, все заранее обсуждено, все разыграно.

Е. ЛИСТОВА: Кстати, о «недавно». Вы не появлялись в эфире несколько лет. Каким образом вы исчезли, и когда о вас «вспомнили»?

В. ЛЕОНТЬЕВА: Вот уже два года, как обо мне вспомнили. Зовут на съемки. «Новая студия» предлагает делать все, что я хочу. «Спокойной ночи, малыши» и «В гостях у сказки», и «Умелые руки» и «Тетя Валя рассказывает». А до этого полная тишина была.

Стоило только выйти моей книге «Объяснение в любви», как с эфира были сняты все мои передачи. От «Спокойных ночей» и от «Умелых

рук» я сама давно отказалась. А программу «В гостях у сказки», которую я вела двадцать лет, у меня просто отняли.

Е. ЛИСТОВА: Объяснили почему?

В. ЛЕОНТЬЕВА: Нет, никто никогда ничего не объяснял. О том, что сняли «От всей души», я узнала от «тети Мани» — вообще случайно. Телевидение было для меня таким, что ли, каменный островом — я всегда очень твердо стояла на ногах и всегда знала, что нужна. (Все остальное у меня очень зыбкое было. Вся жизнь). И вдруг остров начал тонуть. Я почувствовала, что если сейчас что-то не предприму, то просто погибну. И я, никогда не состоявшая в партии, пошла в ЦК. Отвечивать «В гостях у сказки». Был там какой-то Альберт Михайлович... Я сказала ему, что пришла заступиться за детей. Почему? Потому что телевидение сделало все возможное, чтобы дети перестали читать: они смотрят кино. А мы сделали такую передачу, чтобы дети сказки читали.

Я ни слова не сказала в ЦК о передаче «От всей души», потому что я в ней присутствую в большем количестве и в ином качестве. Альберт Михайлович обещал разобраться. Дня через два он мне позвонил и сказал: «Валентина Михайловна, не были бы вы любезны прийти ко мне завтра в половине пятого?» Я с собакой не выхожу, я не хожу на работу, я сижу и жду его звонка, и — «не буду ли я любезной!» Но когда я вошла в кабинет и увидела там Кравченко, мне просто стало плохо. Я чувствовала, что у меня ноги подкашиваются. Я жутко его боялась. И вот — «Леонид Петрович готов вас выслушать». «А что, собственно говоря, вас сюда привело?» — спрашивает. «А вы ничего не знаете?» — «Да вроде бы нет». — «Не знаете, что сняли передачу «В гостях у сказки»?» — «Как сняли?» — «Леонид Петрович, — говорю я, — если вы действительно этого не знали, то это не делает вам чести как зампреду. Если знали, но сейчас здесь говорите, что нет, — это не делает вам чести как порядочному человеку».

Вернула я передачу. И он меня тут же уволил. Через какое-то время сказал мне: почитай, мол, «Говорит и показывает Москва», я там несколько слов о тебе написал, если вставили. Я ответила: «Попробуй тебя не вставь». А «слова» такие: «Дорогие ребята, не волнуйтесь, тетя Валя вновь будет вести передачу «В гостях у сказки», а поможет ей будет тетя Таня Веденева». И мы работаем — раз тетя Таня, раз тетя Валя. Так около года. Потом тетя Таня стала очень часто выезжать за рубеж, и вместо «В гостях у сказки» сделали «В мире сказок и приключений», потом какого-то Ноки придумали — ведущего, потом «Зазеркалье» у них началось... И я опять выпала.

А потом вот вспомнили. То Валя Печорина делала «На сон грядущий», то «По вашим просьбам» посвятили Коле Озерову. Меня пригласили. Всем безумно понравилось, как я разговариваю. Это было «открытие» меня. Позже мне устроили почти часовую передачу в прямом эфире с телефонными звонками в студию. Я, честно говоря, жутко боялась, что никто не позвонит. Честно, честно. Но столько людей звонили! И все говорили: «Почему вас нет? Мы соскучились, где передача «От всей души»? Леонтьева, Леонтьева, Леонтьева...» Я даже чувствовала себя ужасно неловко. И даже сказала, что кажусь себе пер-

сонажем из фильма «Берегись автомобиля», — подняла руку и воскликнула: «Свободу Юрию Деточкину!» Ну надо было как-то, хоть с юмором, выйти из положения. А когда я пришла домой со стопкой всех этих вопросов, я так плакала. Господи, какие там были слова...

Е. ЛИСТОВА: А какие программы вам нравятся на нынешнем ТВ?

В. ЛЕОНТЬЕВА: У меня есть мои любимые передачи, которые я жду и с удовольствием смотрю. Они профессиональны и поэтому не умирают. «Музыкальный киоск», «Клуб путешественников». Мне очень нравится А. Ливанская и ее «Репортажи ни о чем». Она человечна и проста.

Ничего из новых программ я не понимаю. Я не ханжа, я очень многов приемлю, во многом перестроилась. Но я никогда не приму пошлость. Должна же быть хоть какая-то культура на телевидении.

Е. ЛИСТОВА: А куда она делась? Вы же в «Останкино» ходите по одним коридорам с новым поколением телевизионщиков.

В. ЛЕОНТЬЕВА: Мы не нужны. Мы, профессиональные люди, умеющие говорить, знающие русский язык. Если рядом с нами будет кто-то из «новых», он проиграет. Почему из программы «Время» выгнали профессионалов? Мы мешали. Кто-то назвал нас «говорящие головы». Ну, был официоз. Поэтому дикторов-мужчин всех убрали. Они были все застенчивые, все официальные, потому что они читали официальный материал. И «расстегнуться» они уже вроде и не могут. Да у них не было такой возможности...

А как Шебеко читала потрясающе. Единственная женщина, которая для всех была примером — помните, как 19 августа она и Кочергин зачитывали постановление ГКЧП? Они читали официальный текст, а мы понимали из их интонации, что с нами случилась беда.

...А вообще за сорок лет работы на телевидении я такого навиделась... Я понимаю, что, наверное, надо уходить... Если я пойму, что меня держат из милости, я уйду, но взять ножицы и самой отрезать эту пуповину у меня нет сил. Мне незачем жить будет. Мне нечем жить будет... Я никогда не доживу до нормального телевидения. А поначалу оно у нас было. Настоящее, творческое. Нас было очень мало, и мы были как единая семья. Мы кожей друг друга чувствовали. Ведь когда наша бригада выезжала на запись программы, то, начиная с поезда, шел такой гул! Но как только запись... Все было чистенькие, наутюженные. Осветители — в белоснежных рубашках. Капельдинеры — в красных костюмах. А какими глазами они на меня смотрели! У них слезы текли. А потом, однажды... Проведя какую-то колоссальную передачу в прямом эфире, я пришла в дикторскую такую на полную, такая счастливая — часа полтора работала... Пришла в дикторскую, смотрю, телевизор выключен и выжут... Три моих коллеги вжгут... Вот с тех пор я ненавижу спичи. Этот момент был для меня каким-то решающим. Я поняла, что — все. Никому ничего не нужно.

Полностью интервью будет опубликовано в журнале «Искусство кино», № 8, 1993.